

Колле. правда. - 1995. - 28 марта - с. 6.

Владимир Васильев:

Хотели получить творца? Получайте!

— Владимир Викторович, было все-таки это предложение для вас неожиданным?

— Неожиданным стал именно этот пост. Помогли те, кто не хотел моего прихода в Большой, не хотел, чтобы что-то менялось без их участия. Помогла война творцов с чиновником, которого увидели во Владимире Михайловиче Коконине. Тогда в «верхах», очевидно, и решили: хотите творца? Получайте.

— Вам не позавидуешь. Большой переживает не лучшие времена: склоки, раздоры, вражда...

— Все проблемы начинаются с неудовлетворенности артистов своей работой на сцене. Можно, конечно, компенсировать проблему деньгами. Но это развращает. Люди привыкают ничего не делать. Балетная труппа выезжала постоянно за рубеж, жила за счет этих поездок. И дожили до того, что хотели танцевать только там. Пошли склоки, раздоры — кого берут, а кого нет. А взять всех 250 человек невозможно. Многие пребывание здесь расценивали лишь как подготовку к гастролям там. Дошли до того, что в таких балетах, как «Жизель», вынуждены были сокращать кордебалет — нет людей. И это при самой большой труппе в мире. Больны. Но накануне поездки за границу все здоровы. Антагонизм униженных и оскорбленных, людей в чести, славе, богатстве породил страшный раскол.

— С каким чувством переступили порог театра?

— Меня пугали многие. Большой — моя жизнь, я хорошо знаю его. И если бы вместо меня был назначен кто-то другой, все равно нашлись бы недовольные. Трудно предположить, что 850 человек станут единомышленниками. Я пришел сюда не расправляться с кем-то, не рубить сплеча. А ради творчества.

— На днях в одной из газет «проскользнуло», что вы не собираетесь сами ставить.

— Это неправда. Я обязан ставить, заполняя «окна» бездействия. Но когда я буду ставить, коллегия должна найти мне на это время замену. Мне кажется, что одновременно совмещение в себе и руководителя, и постановщика невозможно.

— А готовы к тому, что вас вольно-невольно будут сравнивать с предшественником? Уже сейчас раздаются голоса, что, мол, Васильев больше артист, чем балетмейстер.

— Не спорю. Но я пришел в Большой не на место какого-либо балетмейстера. Я — худрук театра. Что же касается моего вклада в хореографию, я действительно не поставил в Большом так много балетов, как Григорович. Но если взять все сделанное мной в разных странах за десять лет, это не меньше, чем у Юрия Николаевича за тридцать лет его деятельности. Останется ли это вкладом в искусство хореографии, покажет время.

Кстати, как хореографу путевку в жизнь мне дал именно Григорович. Если он не лукавил в то время, то действи-

тельно был доволен моим «Икарсом». Но остальные свои балеты я делал вопреки Юрию Николаевичу.

— А вы действительно перед уходом из театра не разговаривали с Григоровичем?

— Я здоровался. Но это не только от меня зависело. А ушел как? Началось шельмование: как я могу критиковать такого великого мастера?!

— Почти все великие режиссеры были диктаторами.

— В творчестве без диктатора не обойтись. Вне его диктатура чудовищна!

— На своем представлении коллективу ГАБТа вы объявили о готовности собрать в Большом едва ли не всех звезд мира. А с кем-то конкретно уже вели переговоры?

— Хотел бы видеть в нашем театре постановки таких мастеров, как Дмитрий Покровский, Марк Захаров, Андрей Кончаловский, Никита Михалков. За дирижерский пульт намерен пригласить Ростроповича, Геннадия Рождественского, Рикардо Мути, Клаудио Аббадо, Сейджи Озаву. Когда-то Морис Бежар очень хотел поставить у нас «Александра Невского». Почему бы не вернуться к этой задумке? Репертуар театра украсили бы балеты моего любимого Иржи Килиана, а также Джона Кренко, Балanchина.

— Вас сравнивали в свое время с Нижинским...

— Нижинский — это легенда, которая, к счастью для него, не имеет документального подтверждения. А для нас несчастье — все-таки важно знать и эстетику прошлого. Вот от Павловой хоть что-то осталось.

Был такой танцовщик Владимир, в одно время с Нижинским. Помню, в Америке он говорил: «Что вы, господа, разве Нижинский так танцевал?!» После нас будут другие. И то, что мы делали в свое время, казалось чудом, а потом зачастую выглядит обыденным. Эстетика, средст-

ва выразительности быстро меняются.

— Вы признались, что не ожидали встретить так много недругов в театре.

— Очевидно, потому, что раньше они молчали. А когда никому не мешаешь, никем не руководишь, со всеми приветлив, к тебе относятся или равнодушно, или приветливо. Но вот на представлении меня коллективу Большого я понял, что друзей значительно больше.

— Уже многие годы Большой невозможно представить без клакеров.

— Они были, есть и будут до тех пор, пока существует середняк, мечтающий о собственном величии. Талантливому артисту клакеры только мешают. Иное дело балетоманы...

— С «Кремлевским балетом» вы расстались навсегда?

— Все почему-то считают, что я руковожу этой труппой. Я же был туда приглашен всего лишь на постановки. Но работал с величайшим наслаждением, потому что видел любовь и заинтересованность.

— А чьи аплодисменты запомнились больше всего в жизни?

— Пожалуй, в Аргентине. Я избран почетным гражданином Буэнос-Айреса. Но однажды, правда, за любовь зрителей пришлось поплатиться. В Ницце я танцевал па-де-де из «Дон-Кихота». Зал просто неистовствовал: «Браво», «Бис...» Говорю Кате: давай еще раз выйдем. А она в ответ: устала, не могу. Я вышел и во время прыжка почувствовал вдруг, как у меня нога надорвалась. Рухнул прямо на сцене. Это был страшный момент: как на взлете, вскрике «ах!», и — тишина.

— А помните, как во время «Шелкунчика» вас ошпарили паром?

— Это было дважды. У нас в Америке во время гастролей. Когда артист выходит на сцену, он теряет ощущение боли. Я знаю примеры, когда многие заканчивали спектакль с надорванным ахиллом, выскользнув мениском. У меня самого так было. Во время выступления на Кубе, куда съезжались артисты со всего мира. Моей партнершей тогда была Алисия Алонсо. Я не чувствовал боли. После возвращения домой на второй день меня положили на операционный стол. А я еще пять спектаклей «Дон-Кихота» танцевал в Буэнос-Айресе после Кубы на мышцах. Хирург изумился: как же вы танцевали, весь мениск разmozжен?!

— Скажите, пожалуйста, а Екатерина Максимова тоже вернется в Большой?

— Мне хотелось бы. Она — замечательный репетитор. Это говорит все, кто ее знает. Может быть, сказало влияние ее учителей — Гердт, Улановой, Стручковой. Максимова была первой ученицей Улановой.

— Не секрет, что у великих балетмейстеров отношения с труппой порой не складываются из-за жен-балерин. Например, у Фокина.

— Всегда будет нестись в спину: вот пошла хозяйка.

Сама ситуация приводит к такому положению. А Максимова, как честный человек, не может бросить людей, которые в нее верят, которым в «Кремлевском балете» отдает столько сил. И это, возможно, лучше, что она там.

— А банкета по случаю возвращения в Большой тоже не будет?

— Нет. Может, потом как-нибудь близкие друзья соберутся, а сейчас просто не до этого.

— Как вам нынешняя жизнь, когда мы понежнужу обуржуазиваемся?

— Я обуржуазился давно. У меня была возможность. В начале 60-х годов это меня привлекало. Мы с Максимовой были одними из первых, кто привез в Москву «Ситроен». Тогда такая машина была лишь у Плисецкой, у нас и, наверное, у французского посла. Сейчас это меня абсолютно не привлекает. Все, что нужно для жизни, есть: дача, машины, квартира. А в отпуск многие годы ездил под Кострому, в бывшее имение Островского, ставшее домом отдыха ВТО.

— Марис Лиепа в своей книге написал о вас, как о товарище. Вы дружили?

— Марис — блистательный танцовщик, актер. Мы соперничали. И отношения у нас были скорее натянутыми. Просто мы попали в одну команду — выкинутых из театра. Лиепа на вид был мощным, жестким человеком, а на самом деле оказался хрупким. Не смог пережить того, что предложила судьба.

— Вы постараетесь покончить с печальной традицией изгнания звезд из Большого?

— Я бы не согласился вернуться в театр, если бы не был уверен, что необходима контрактная система. Она должна все расставить по своим местам.

— А что вас заставляет вот уже многие годы брать в руки кисть?

— Художник так устроен, что его неистощенная энергия должна во что-то вылиться. Я часто был поставлен в такие условия, что не мог отдавать себя полностью любимому театру. Но на картинах моих балета нет — пейзажи, портреты. Хватит — обещал.

Последние несколько месяцев, когда я все ждал, чем же разрешится ситуация в Большом, во мне стало накапливаться какое-то раздражение. Я начал писать стихи, такой спонтанный выход зарифмованных мыслей.

— Вы считаете себя человеком, который сам себя сделал?

— Я не задумывался об этом. Но максимум усилий прилагал. Хотя многое зависит от обстоятельств, людей. Училище выбрал сам, в Большой пришел сам. Палец о палец не ударил, чтобы получить хоть одно звание, медаль. Может быть, я просто баловень судьбы?

Беседовал
Николай ЕФИМОВИЧ.

Фото Евгения
УСПЕНСКОГО.